

Виктор Паранин, кандидат географических наук

Корела, она же Русь Начальная

Остров Рус (Гарда).

Народ, который знают все

История Руси, как известно, ведется с IX века, со времени, когда несколькими племенами были приглашены на правление никому доселе не известные варяги-русь. Однако почему возникновение и становление Руси связывается с неведомыми пришельцами? Может, они олицетворяли некий «административный опыт», необходимый для строительства государства? Но откуда, право, ему быть у скандинавов или западных славян, чья политическая организация в IX веке несопоставима с Русью? И какой смысл этим «варягам» отправляться за тридевять земель и создавать то, чего долго они еще не будут иметь у себя на «недозревшей» родине?..

Как отмечал известный польский историк Хенрик Ловмянский в своей книге «Русь и норманны», «первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим оговорок, мы готовы признать название hros (или hrus) в сирийском источнике VI века — «Церковной истории» Псевдо-Захарии. Название hros, попавшее в этот источник из армянских традиций, фигурирует там в конце списка кавказских народов». Многие склонны

«Что же касается ар-Руси, то они живут на острове в море. Тот остров занимает пространство в три дня пути в то и другое направление. На острове леса и болота, и окружен он озером. Они, русы, многочисленны и рассматривают меч как средство существования. Если умирает у них человек и оставляет дочерей и сыновей, то все имущество достается дочерям, сыновьям же дают только меч и говорят: «Отец твой добывал себе добро мечом, следуй его примеру...»

И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары.

Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, то они были бы страшнейшим бичом для человечества».

Ал-Марвази. «Табъ и ал-зайван».

Конный варяг.

Современное очертание территории Карельского перешейка.

не верить в столь раннее существование руси, но в «Песне о Нибелунгах», созданной в середине XVIII века и имеющей в своей основе исторические предания, описываются события первой половины V века, когда на свадьбу Этцеля (Аттилы) съезжаются гости из разных концов земли и первыми в списке отмечены русы. Причем они не идентифицируются с «бойцами из Киевской земли», которые упомянуты в конце списка за печенегами. Вспомним сообщение «Повести временных лет» (ПВЛ) о том, что киевляне стали прозываться русью после того, как Олег завоевал хазарский Киев. В другом месте летописец отмечает: «А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене».

Таким образом, история Руси к моменту образования Древнерусского государства уже насчитывала по крайней мере пять столетий. Это подтверждается и другими письменными источниками. Существуют достоверные данные о руси на Черном море в конце VIII — начале IX века. Они содержатся в жизнеописаниях двух византийских свя-

тых — Стефана Сурожского и Георгия Амастридского. В первом житии говорится, что по прошествии немногих лет после смерти св. Стефана, скончавшегося на исходе VIII века, большая русская рать с сильным князем Бравлином, пленив страну от Корсуни до Керчи, после десятидневного боя взяла Сурож (Судак). Интересно, что Бравлин назван новгородским князем, что указывает на северное происхождение руси. Об этом же свидетельствует тот факт, что византийцы и западноевропейцы называли русь норманнами. Например, Иоанн Диакон, сообщая о нападении на Константинополь в 860 году, употребил этноним «норманны», епископ Кремоны Лиутпранд в X веке среди соседей Византии перечисляет «русиев, которых иначе мы называем норманнами».

В житии Георгия, созданном скорее всего до 842 года, говорится, что русь, «народ, который все знают», начал опустошение южного черноморского берега от Пропонтиды, напала на Амастриду. Оба жития, на наш взгляд, неоспоримо свидетельствуют о существовании еще до IX

века черноморской колонии Руси.

Хронологически достоверные данные о росах относятся к 838 году, когда к императору Феофилу II прибыли послы от «народа Рос». В 839 году они появились при дворе франкского императора с письмом, в котором Феофил просил, «чтобы император милостиво дал им возможность воротиться в свою страну и охрану по всей империи, так как пути, которыми они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подвергались опасности». Трудности с возвратом посольства на родину свидетельствуют о северной локализации руси. Только при этом обратный путь русов через земли франков обретает смысл. В этом случае ареал обитания «диких племен», о которых говорит в письме Феофил, включает Поднепровье, контролируемое хазарами, отношения с которыми в этот период у руси обострились. О северном происхождении руси говорит и «Повесть временных лет» — главный письменный источник нашей истории.

Тайна племени острова Рус

Судя по «Повести...», формирование Древнерусского государства проходило в три этапа. Первый остался как бы за пределами летописи, о нем известно лишь то, что где-то «за морем» в IX веке существовало государство народа русь. О том, что это было именно государство, свидетельствует то обстоятельство, что варяги, призванные союзом племен северной части Восточной Европы, были княжеского рода. Кроме того, в уже знакомом нам письме византийского императора к императору франков, написанном еще за четверть века до призвания Рюрика с братьями, говорится о царе народа рос.

Ближайшее «заморье» располагалось за Ладогой или даже за Невой, которая в то время воспринималась как пролив, соединяющий Ладогу с Балтикой. Можно предположить, что русь была народом, занимавшим один из ключевых участков трансконтинентальных водных магистралей, связывавших Балтику и Каспий. На наш взгляд, Западное Приладожье, нынешний Карельский перешеек,

занимало наиболее выгодное положение на торговых коммуникациях. Отсюда, со стороны Балтики, начинался Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки», и целый ряд других менее важных магистралей. Именно здесь размещалась Начальная Русь.

Арабы повествуют о трех русских землях. Локализация одной из них, именуемой Арсой (Арганией, Артой), является интереснейшей исторической загадкой.

Сведения арабов не уместаются в рамки ни одной из существующих в исторической науке концепций образования и развития Древней Руси, а поэтому зачастую не принимаются во внимание и слышат фантастическими. Между тем арабские письменные источники являются одними из самых достоверных.

Разумеется, за Арсой мы склонны видеть Начальную Русь, локализуемую в Западном Приладожье. Отметим, что Страбон еще на заре I тысячелетия н. э. говорил о сарматах-аорсах, владевших «почти что большею частью побережья Каспийского моря, и поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев». Вслед за В. Н. Татищевым, видя в сарматах предков современных угро-финских народов, мы ставим вопрос: не сюда ли уходят те древние связи руси и хазар?

Многие (например, Ибн-Русте в X веке) справедливо отождествляют загадочную Арсу с не менее таинственным островом Рус, известным также из арабских источников. Согласно этим источникам, Рус окружен озером, лесист и болотист; его размеры составляют три дня пути вдоль и столько же поперек; на нем проживают 100 тысяч человек, которые не пахут землю, а ходят походами на славян, а добытых пленников продают хазарам и булгарам.

Большинство исследователей признают сведения об острове фантастическими и не принимают во внимание. Другая часть ученых вырывает из описания часть признаков, помещая остров то в Приильменье (?!), то на Балтике, а то и в устье Дуная.

А между тем такой остров реально существовал еще относительно недавно на севере Восточной Европы. Карельский перешеек в прошлом

представлял собой остров: система Вуоксы в районе Выборга соединялась с Финским заливом.

Другой протокой, соединяющей Финский залив с Ладогой, была Нева, а между Невой и Вуоксой простирался остров, который и размерами, и ландшафтом, и географическим положением совпадает с островом Рус из арабских источников.

Руссы-россы — кто они?

В настоящее время местоположение Начальной Руси на севере признается большинством исследователей. Правда, многие ошибочно называют ее Верхней Русью, исходя из движения славян вверх по Днепру, и размещают ее в Приильменье и Поволховье, оставляя открытым вопрос, откуда русь сюда пришла.

Более того, какие такие веские основания позволяют историкам из поколения в поколение трактовать население Приильменья в качестве славянского начиная с VIII века, причем положение это принимается каждым последующим поколением исследователей как аксиома? Самым авторитетным аргументом в пользу этого является сообщение автора «Повести временных лет» о том, что новгородцы говорят на славянском языке. Но ведь оно фиксирует языковую ситуацию в регионе через 2–3 века после утверждения здесь руси. Два столетия — срок более чем достаточный для смены языка.

Вторым основанием для причисления новгородских словен к славянам является сходство этих этнонимов. Но ведь никому и в голову бы не пришло утверждать, что в Ливонии, Ливане и Ливии говорят на ливиковском диалекте карельского языка, хотя во всех приведенных названиях присутствует единый корень с одинаковым значением. Поэтому данный тезис представляется нам весьма ненадежным.

О неславянском происхождении руси свидетельствует и сочинение писателя XI века Аль-Бекри, и труд еврея Ибрагима, относящийся к середине X века, в котором говорится: «племена севера завладели некоторыми из славян и до сей поры живут среди них, даже усвоили их язык, смешавшись с ними». Отсюда следует, во-первых, что кроме руси в завоевании славян принимали участие какие-то другие народы, что под-

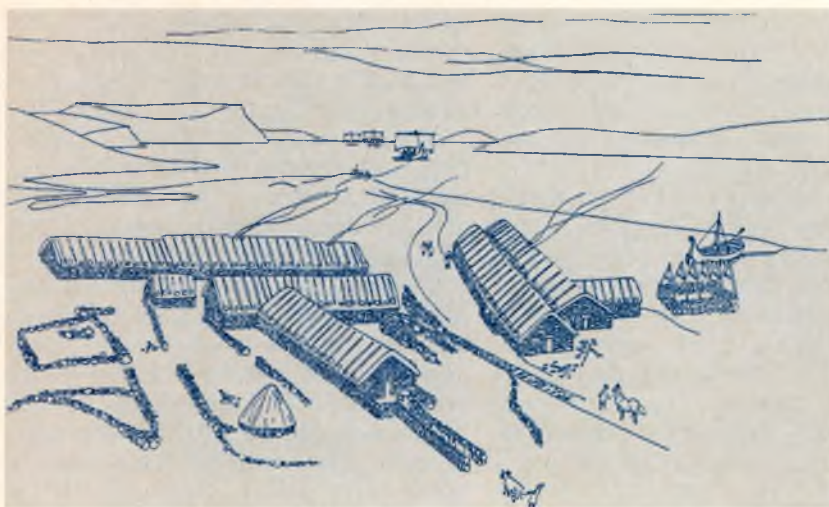
тверждает высказанную нами ранее версию. Эти племена известны из русских летописей. Например, Новгородская I летопись сообщает: «и седе Игорь, княже, в Киеве; и беша у него Варязи мужи Словене, и оттоле прочие прозвашася Русью». По крайней мере еще одно северное племя, а именно словене, участвовало в завоевании Среднего Поднепровья. Таким образом, косвенно подтверждается высказанное выше положение о близком родстве руси и приильменских словен, которые в качестве младших союзников участвовали в военных предприятиях руси в Восточной Европе.

Таким образом, каких бы то ни было достоверных данных о славянском характере населения так называемой Верхней Руси не существует. В данном случае мы имеем дело с еще одним мифом, которыми так богата наша история.

Подробнее остановимся на особой близости новгородских словен к варягам, неоднократно подчеркиваемой в «Повести...». Так, под 862 годом сообщается: «Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне». Это место, одинаково непонятное как с позиций славянской концепции образования Древнерусского государства, так и с норманнской (скандинавской), становится достаточно прозрачным, если за ним видеть языковую близость словен и варягов. Оснований для этого более чем достаточно. Во-первых, выражения «одного рода» и «одного языка» тождественны в русских летописях. Об этом свидетельствует В. В. Колесов в своей книге, посвященной исследованию социальных и этнических терминов, встречающихся в письменных источниках Древней Руси.

Во-вторых, в новгородской округе существует мощный пласт балто-финской топонимики, свидетельствующей о неславянском характере населения этого района на ранних этапах его истории.

В-третьих, о языковой близости варягов и словен свидетельствует сходство, доходящее до идентичности, личных имен. Так, под 1024 годом ПВЛ сообщает, что Ярослав для войны со своим братом Мстиславом, на стороне которого выступали хазары и касоги, получил помощь от варягов во главе с князем Якуном. Но в той же летописи под 1140 годом

Варяжское поселение.

Переправа викингов.

упоминается новгородский посадник под тем же именем. Нет никаких оснований полагать, что посадником новгородцы избрали варяга, тем более что к этому времени имена варягов исчезли из русских летописей.

Наконец, в-четвертых, широко известен факт нахождения на раскопках в Новгороде огромного количества берестяных грамот. Однако менее известным является то обстоятельство, что значительная их часть написана, как полагают, на карельском языке. Мы рассматриваем «карельские грамоты» как проявление «билингвизма» на территории Приильменья, где в течение значительного времени сосуществовали «новый» государственный славянский язык и «старый» народный балтско-финский, близкий известному нам карельскому.

О том, что русскому языку на севере Восточной Европы предшествовали финские языки, предполагал еще В. Н. Татищев. Однако он считал, что сначала западные славяне, «пришедшие из Вандалии морем на север, народами сарматскими (т. е. финскими. — В. П.), руссами и другими овладели, сами руссы назвались, которое на их сарматском языке значит чермный, а притом из языка их многое в свой включили. И как колено словенских князей Гостомыслом пресекалось, взяли к себе князя Рюрика из варяг, или финов, немало их языки употребляли, как то в древних наших летописях таких реченей находим, что разуметь не мо-

жем. Но блаженная Ольга, бывшая из рода князей славянских, при владении паки славянский язык нечто возобновила. И хотя уже давно начали речение исправлять и к словенскому приближаться, однако ж доднесь еще многие употребляем».

Причину вытеснения финских языков славянскими, которое Татищев относил к середине X века, он видел в субъективном желании Ольги, что само по себе уже вызывает недоверие. К тому же летописи сообщают, что княгиня Ольга была варяжского корня (это дополняется сведениями немецких источников, говорящих о том, что она была из рода ругов, то есть русов или варягов).

В другом месте Татищев пишет: «...ныне руссы язык словенский употребляют или славяне русскими назвались, оное бесспорно; однако... тогда руссы от славян были разны, ибо руссы были языка сарматского, как он сам (Нестор. — В. П.) на многих местах различает».

Таким образом, направления развития Русского государства и распространения господствующего в нем языка были диаметрально противоположны: первое шло с севера на юг, а второе, с некоторым запаздыванием, — с юга на север. При этом в формировании государства четко прослеживаются три этапа. Следует отметить, что о трех русских государствах в свое время говорил и академик А. А. Шахматов. Правда, Начальную Русь (или остров Рус араб-

ских источников) он помещал в районе южнее озера Ильмень, для чего пришлось существенно расширить содержание арабского термина, означающего «остров», поскольку никакого острова южнее Ильменя и в помине нет. Отсюда: якобы нуждающиеся в зерне русы захватили около 840 года у хазар Днепр, образовав Древнерусское государство, второе по счету. А затем изгнавшие русов северные племена пригласили перед лицом угрозы русов из Киева варягов, в результате чего третье русское государство после захвата Олегом Киева было создано на юге.

Как Русь превратилась в Корелу

На севере Восточной Европы немало этнических загадок, но наиболее интересны и масштабны, на наш взгляд, две: куда делась изначальная русь и откуда взялась корела? Каждый из этих вопросов в отдельности неоднократно поднимался в исторической литературе, однако никто до сих пор не рассматривал их во взаимной связи, хотя основания для этого имеются достаточные.

В начале XIX века получила широкое распространение концепция, согласно которой карелы первоначально обитали в Биармии, а на стыке прошлого и нынешнего тысячелетий продвинулись с Северной Двины и Белого моря к Онежскому и Ладожскому озерам и Финскому за-

ливу. В начале XX века под влиянием роста национализма в Финляндии развились теории западнофинского происхождения корелы.

Во всех существующих концепциях присутствует вывод об относительно позднем формировании корелы (XI—XII века) на основе смешения нескольких этносов. Но, как справедливо отмечает С. И. Кочкуркина, анализ исторических, археологических и лингвистических данных свидетельствует о более раннем образовании корелы и корельской общины. Это убедительно подтверждается хотя бы тем, что основная часть сюжетов бесспорно карельского эпоса «Калевала» восходит к рубежу бронзового и железного веков, то есть к середине I тысячелетия до н. э. К XII веку корела выступает в качестве сложившегося и развитого этнического образования: оно имеет самобытнейшую материальную культуру, мощное воздействие которой ощущается на обширных пространствах Северной и Северо-Восточной Европы.

Что же касается руси-варягов, то последние упоминания о них в ПВЛ относятся к XI веку, когда варяги участвовали в походе Ярослава в Киев против печенегов (1036). Косвенным свидетельством этого служит сообщение о том, что Олег установил дань варягам от Новгорода «по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава». Таким образом, промежуток времени между последним упоминанием о варягах и первым свидетельством о кореле невелик: 90 лет. Если же верить Татищеву, то этот интервал сокращается до 64 лет. У Татищева находим, что варяги не упоминаются со времени правления второго сына Ярослава Мудрого Святослава (1073—1077).

Следовательно, за это время на Карельском перешейке варягов-русь «сменила» корела. Причем нет никаких оснований полагать, что на русь здесь напал мор или с нею приключилась иная напасть. Самое естественное объяснение заключается в смене этносом своего имени.

Преемственность между варягами-русью и корелой прослеживается во многих областях. Под 1042 годом ПВЛ сообщает, что Владимир Ярославич пошел на «Ямь и победил их». Летопись просто констатирует факт похода, не раскрывая, какими сила-

ми он был совершен. Участие таких естественных и традиционных союзников, какими были для Новгорода и всей Руси варяги, не всегда находило отражение в летописи, как это позже было с корелой.

Интересно, что первое упоминание о кореле связано с емью: «В то же лето ходиша корела на емь...» Совместные с Новгородом походы корелы на емь известны под 1186 и 1191 годами. В 1187 году корела совершила известный поход, завершившийся полным разрушением главного города Швеции Сигтуны на озере Мелар, в котором, как полагают некоторые исследователи, принимали участие и новгородцы, хотя прямо об этом не сообщается. Вместе с тем, в новгородском походе 1198 года против шведов в город Або, предполагается, принимала участие корела, «ибо такого рода мероприятия, совершаемые Новгородом, не обходились без нее».

Корела активно участвовала в походах Александра Невского. В Невской битве (1240) большую роль играла ижора, считающаяся одной из ветвей корелы, которая участвовала в изгнании немцев и шведов с Вотской земли и Невы. Известно, что корела и ижора вместе с Александром совершили поход на Копорье. Такая согласованность военной деятельности Новгорода и корелы кроме общности внешнеполитических интересов имела под собой и нечто иное. В 1269 году новгородский князь Ярослав Ярославич в силу каких-то причин готовил поход на корелу, который, однако, так и не состоялся, поскольку «умолиша новгородцы не ити на корелу». В следующем году новгородцы, как это часто случалось, поссорились с князем и изгнали его из города, после чего он попытался вернуться силой, но получил отпор, в котором принимала участие и корела.

На наш взгляд, именно преемственность корелы от руси определяла ее особые отношения с Новгородом. Сам Новгород обладал относительной самостоятельностью в составе Русского государства. Корела была еще более независимой от Новгорода, будучи теснейшим образом связана с ним в экономическом, политическом и культурном отношении. В «Слове о погибели Русской земли», где прославляется могущество добатыевой Руси, говорится: «Отсю-

да до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, от литовцев до немцев, от немцев до корелов, от корелов до Устюга...» Здесь обозначены границы Руси, и ясно, что в первой половине XIII века корела не включалась в состав русских земель и не входила в Новгородскую землю.

Об особых отношениях между новгородцами и корелой, но вовсе не о подчиненности последней, свидетельствуют договорные грамоты Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами (1262—1263), а также с городами Балтийского моря (1269): «Оже кто гостить в Корелу, или немцы или гтыне, а что ся учинить, а то Новгороду тяжа не надобе». Отношения эти были бесспорно союзническими, но при этом Новгород, жизненно заинтересованный в европейской торговле, как явствует из приведенного отрывка, не мог регламентировать взаимоотношений корелы со своими торговыми партнерами. При этом следует учитывать то обстоятельство, что корела занимала ключевое положение на торговых путях из Европы в Новгород.

Существуют письменные свидетельства об отнюдь не пассивном участии корелы в военных предприятиях Новгорода. В 1256 году состоялся очередной поход против еми, возглавляемый Александром Невским. В нем принимали участие суздальские и новгородские полки князя, но основу войска, видимо, составляла корела: сообщая об этом походе папе, шведы подчеркивали особо активное участие в нем карельских военных сил. Шведский король Вальдемар даже обратился в Рим за помощью. Папа Александр IV издал буллу, в которой объявил главными виновниками нападения карел и в ярких красках изобразил учиненные ими жестокости. В булле содержался призыв к крестовому походу против язычников-карел.

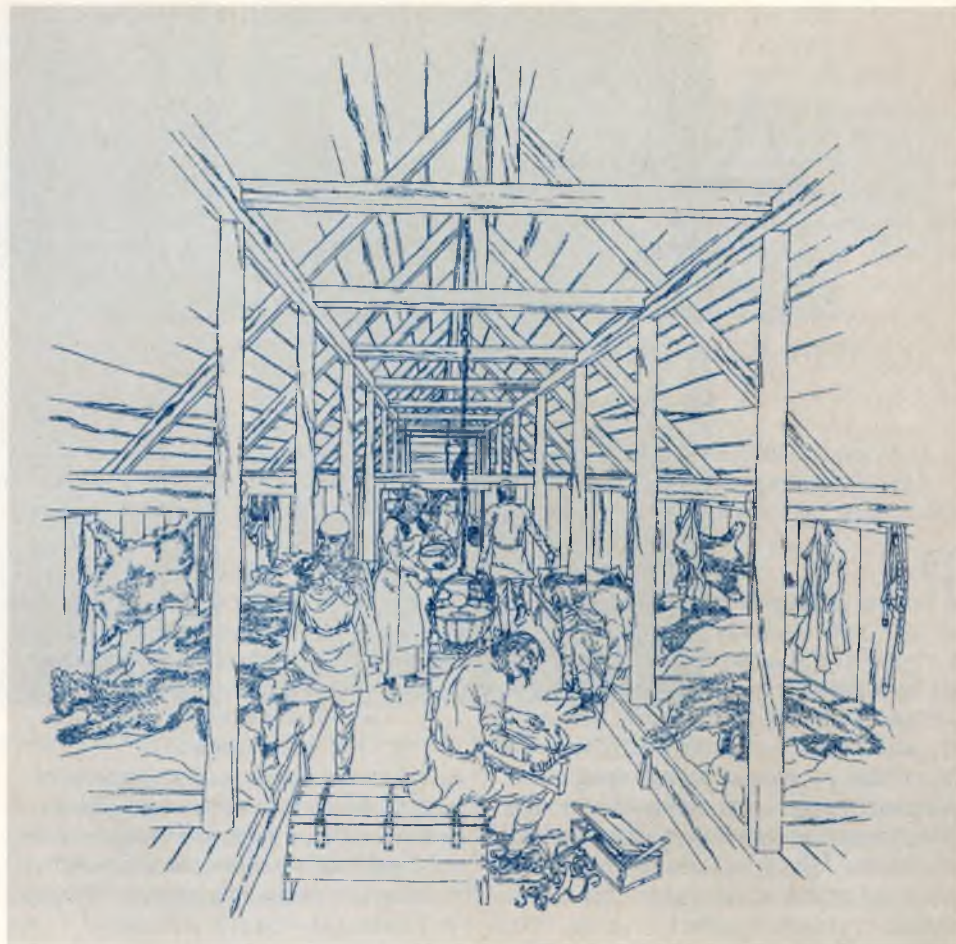
Сведения такого рода не согласуются с традиционным утверждением о подчиненности корелы Новгороду. Можно предположить, что сходными были и отношения с Новгородом ижоры и води, поскольку часто в источниках они стоят в одном ряду с корелой. Очень важным, на наш взгляд, доводом в пользу развития корелы из летописной руси служит материальная культура корелы,

Корабли викингов. Из книги «Викинги» (Гётеборг, 1975).

Праздничная одежда викингов.

В кожевенной мастерской.

активно изучаемая в последнее время. Особенно выделяются археологические работы С. И. Кочуркиной, в которых содержится огромный фактический материал, пока, к сожалению, практически не привлекавшийся авторами работ по этнической истории Восточной Европы.

Наконец, еще одним доказательством происхождения корелы из летописной руси служит этноним *karjala*. Он состоит из корня *karja-* и топонимического форманта — *la*. По внешнему виду корень этнонима напоминает основу скандинавского названия *Gardariki*, которое широко известно и традиционно относится к Руси. Если отбросить вторую часть хоронима — *riki*, которая означает «государство», то остается основа *Garda*, которая также широко употреблялась самостоятельно для обозначения Руси. Действительно, *garda* и *karja* — это одно и то же, поскольку вторая форма легко выводится из первой через переходную *kardja*, подобно тому как в финских языках *djarvi* переходит в

jarvi, обозначая «озеро» в различных диалектах.

Попытаемся отыскать значения выделенного корня *karda-/karja-*. По латыни *Cardea (Cardea)* — римская богиня, хранительница домашнего очага; *cardo* — главный, основной (например, в слове *cardinalis*); *cardo* — «сторона света», «демаркационная линия с севера на юг», «время года»; *cardo anni* — «летнее солнцестояние». Из приведенного перечня следует, что данный корень в латыни связан с понятиями очага, верха, юга, лета, то есть с тем же рядом понятий, что и корень *rus*. Он же присутствует в русском слове «гордый», а также в заимствованном «гвардия», которые, очевидно, смыкаются с понятиями «красивый», «красный».

Таким образом, хоронимы Корела и Русь несут в себе один и тот же смысл. Отсюда можно сделать вывод, что Корела является более поздним названием Начальной Руси. Причины изменения названия территории, а затем и этноса, расселен-

ного на ней, нами уже рассматривались: Русью стало называться обширное государство Восточной Европы, управляемое варягами, в результате чего исконная Русь, расположенная на острове между Ладогой и Балтикой, стала пользоваться другим названием, несущим в себе тот же смысл. Можно предположить, что оба имени параллельно существовали до XII века, когда одно из них было окончательно вытеснено. В пользу этого свидетельствует знакомство арабов в X веке с именем Арта, которое являлось одним из вариантов названия острова Рус, восходящим, очевидно, к хорониму *Karda (Cardea)*.

Такова в общих чертах концепция образования Древнерусского государства, условно названная нами карельской. Предвидя возражения оппонентов, особенно сторонников славянской теории, предлагаю им задуматься об относительности этнонимов, имея перед собой наглядный пример: почему жители Киева не зовутся нынче ни полянами, ни русью, ни малороссами?